

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА
№ 9 (33) • 2010

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович — академик Российской академии наук, директор Института философии Российской академии наук;

БОНДЫРЕВА Светлана Константиновна — доктор психологических наук, профессор, академик Российской академии образования, ректор Московского психолого-социального института;

АРШИНОВ Владимир Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий отделом Института философии Российской академии наук;

ГИРЕНКО Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета;

ГУБМАН Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Тверского государственного университета;

ДЕЛЯГИН Михаил Геннадьевич — доктор экономических наук, профессор, Директор Института проблемы глобализации;

ИЛЬИНСКИЙ Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета;

КОФМАН Андрей Федорович — доктор филологических наук, заведующий отделом Института мировой литературы Российской академии наук;

ЛАПИН Николай Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, заведующий отделом Института философии Российской академии наук;

ЛЕКТОРСКИЙ Владислав Александрович — академик Российской академии наук, заведующий сектором Института философии Российской академии наук;

МИРОНОВ Владимир Васильевич — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, декан философского факультета Московского государственного университета;

ОЙЗЕРМАН Теодор Ильич — академик Российской академии наук;

ПОДОРГА Евгений Александрович — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором Института философии Российской академии наук;

РЕЗНИК Юрий Михайлович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала "Личность. Культура. Общество";

СМИРНОВ Андрей Вадимович — член-корреспондент Российской академии наук, заместитель директора Института философии Российской академии наук;

СТЕПИН Вячеслав Семенович — академик-секретарь Отделения общественных наук Российской академии наук Российской Федерации, академик Российской академии наук;

НЕРЕТИНА Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук;

ХАРИТОНОВ Александр Николаевич — кандидат психологических наук, доцент, президент Русского психоаналитического общества;

ФИЛАТОВ Олег Константинович — доктор педагогических наук, профессор;

ШЕСТОПАЛ Алексей Викторович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского института международных отношений (Университет МГИМО);

ЧУМАКОВ Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, первый вице-президент Российского философского общества.

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

шеф-редактор — **Василий Иванович Даниленко**;

главный редактор — **Павел Семенович Гуревич**;

заместитель главного редактора — **Эльвира Маратовна Спирина**;

ответственный секретарь — **Елена Георгиевна Руднева**.

Редактор: **Н.П. Николаев**, корректор; **Н.Ю. Тушнова**, верстальщица: **О.В. Панова**.

Решением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации журнал «Философия и культура» включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов ВАК. Издание рекомендовано для опубликования основных результатов диссертаций на соискание учёных степеней доктора наук и кандидата наук.

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П. С. Гуревич

Культурный код.....5

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ИСКАНИЯ

П.С. Гуревич

Очерки об академике А.А. Гусейнове.
Очерк первый. «Достиг ли я в раздумьях
совершенства?».....7

КРУГЛЫЙ СТОЛ

«Бытие и сознание». Часть 2. Окончание.....17

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

А.Р. Фокин

Различные патриотические подходы к вопросу
о происхождении человеческой души.....41

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Е.А. Безнощенко

Ценность семьи в современном
западноевропейском обществе:
социально-философский дискурс.....51

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

В.Н. Порус

О претензиях «анархической философии»
(по поводу давней статьи А.М. Пятигорского). 56

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Е.А. Попов

Что изучает социология культуры?.....62

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР И МЕНТАЛИТЕТ

Б.В. Ятвецки

Роль культурных центров в развитии
сотрудничества Израиля и России.....69

НОВАЯ НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА

А.В. Веселое

Постнеклассический взгляд на объект
социоинженерной деятельности.....74

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

А.В. Юхвид

Философско-методологическая
концепция виртуологии.....81

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА

Н.В. Клягин, И.Б. Рябушкина

Восток и Запад.....86

ЭСТЕТИКА

А.Н. Липов

Золотое сечение как основной
морфологический закон.....96

В ПОТОКЕ КНИГ

С.П. Донцев

По поводу первого издания энциклопедии
«Русская философия».....109

Л.А. Гогтишвили

О сотрудничестве с Францией:
отчет и анонс.....113

REVIEWS AND KEY WORDS.....115

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....118

ABOUT THE AUTHORS.....118

ТРЕБОВАНИЯ РЕДАКЦИИ

К СТАТЬЯМ ЖУРНАЛА

«ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА».....119

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

В.Н. Порус

О ПРЕТЕНЗИЯХ «АНАРХИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ» (по поводу давней статьи А.М. Пятигорского)

Аннотация: приводятся полемические соображения о концепции «анархической философии» А.М. Пятигорского и М.К. Мамардашвили. В противовес тезису о «принципиальной акультурности» философии (ее независимости от культурно детерминированных смыслов) утверждается культурная обусловленность всякого философствования: философия есть самосознание (ауторефлексия) культуры. «Анархическая философия» выступает против «тоталитаризма в мысли», но упускает из виду другую опасность: поражение культуры, неспособной обуздать бунт индивидуализма под лозунгами свободы. **Ключевые слова:** философия, «анархическая философия», культура, сознание, символ, самосознание, свобода, «тоталитаризм мысли», коммуникация.

Я не исследователь творчества А.М. Пятигорского и моя попытка разобраться в некоторых его идеях — это реакция на отзыв, какой они имеют в современной культурной ситуации.

Зачем пишу эти заметки? А вдруг, читая давнюю статью Александра Моисеевича (ей уже больше тридцати лет, а для философских статей это почтенный возраст¹), удастся застать современную философию в тот момент, когда она, скинув наряды, сшитые из локутов модных традиций, *обнажена для самой себя*? Не задержусь на рискованной параллели, но замечу, что почти все и почти всегда чувствуют себя неловко, когда их «застают» в таком положении. А каково застающему?

Но в сторону экивоки. Сейчас о *моем* прочтении этой статьи (в какой мере оно ново, не мне судить). Тут уместно согласиться с К. Кобриним, что «размышляя о Пятигорском, невозможно не впасть в его же интонацию, мыслительную интонацию вечного вопрошания»²; ну, раз невозможно, то и пытаться нечего, но надо подготовиться к тому, что вопросы, вызванные статьей, скорее всего останутся без ответов.

¹ Пятигорский А.М. Реакция философии на тоталитаризм (Методологические заметки о возможности анархической философии) / Пятигорский А.М. Избранные труды. Школа «Языки русской культуры». М.: 1996. С. 147-160. В дальнейшем ссылки на эту статью в тексте с указанием на страницы.

² Кобрин К. Почти все боятся вольных каменщиков (рецензия на книгу: Piatigorsky A. Who's afraid of freemasons? The Phenomenon of Freemasonry. L., Harvill Press, 1997) // Новое литературное обозрение. № 35 (1/1999). С. 382.

Статья открывается признанием. Автор сообщает, что его реакция на «интериоризацию тоталитаризма», на проникновение последнего из мира социальных объективаций в мир индивидуального сознания, есть *страх* (с. 148). Страх—чувство, плохо контролируемое рассудком. Если с него начинается философствование, результаты могут быть очень разными.

Аристотель сказал, что философия начинается с *удивления*. У знаменитой фразы — две смысловые стороны. С одной — философия *случается* (как любил выражаться М.К. Мамардашвили), если *есть чему удивляться*, если есть предмет удивления, достойный философических предназначений. С другой — философия *случается*, если *уже есть способность удивиться*, «личный импульс к философствованию» (по словам А.М. Пятигорского). На какой поставить акцент?

Акцент на первой означает, что философия *не случится*, если *ничему удивляться*. Если все ясно, все привычно, все — как у всех. Если перед тобой то, что не стоит внимания. Есть — ладно, нет — тоже ладно. Но уж коли случилось ЭТО (удивился!), философ спешит сообщить о случившемся, привлечь к ЭТОМУ общий интерес, заразить им *других*. Такая философия рано или поздно превращается в «обучение мыслить», в «раскрытие глаз» (нечто подобное описал Платон в мифе о пещере и ее узниках). И это, по логике А.М. Пятигорского, парадоксально ведет... к исчезновению философии, ибо если научить другого *мыслить как я*, то никакого удивления у другого уже не случится, *мои* импульсы к философствованию станут *общими* и рано или поздно превратятся в

принципы *метода*. Метод — путь (возможно, к истине, а возможно, и неизвестно куда). На этом пути не будет никакого удивления, зато будет уверенность и спокойствие, все будут понимать друг друга, наступит *единомыслие*, но закончится *философия*. Вам страшно? Примите мои сочувствия.

Если акцент на другой стороне, ничуть не легче. Вот и удивление есть, и личный импульс — какой угодно силы, но как передать его другим? Уже сказано, что это грозит окончанием философии. Можно поведать, что ты изумлен, восхищен, разочарован, пылаешь ненавистью или любовью — но нельзя объяснять почему это именно так, а не иначе, что именно возникает — *в тебе* — под действием твоего импульса. Следовательно, философствовать можно только в одиночку, а философии нельзя *учить*, и в этом смысле она подобна религии (с. 156). И в философии, и в религии можно только «оставаться внутри», то есть переживать религиозное чувство или импульс философствования. Можно, правда, занять позицию «наблюдателя», то есть *со стороны* взирать на философствование или религиозное чувство, описывая свои наблюдения на каком-то общезначимом (доступном пониманию) языке. Но это уже и не религиозное чувство, и не философствование.

Момент существенный и спорный. Позиция А.М. Пятигорского, как я способен ее понять, связана с его и М.К. Мамардашвили идеями о «сфере сознания» и «метатеории сознания». «Сфера сознания» в отношении к мировому событию выступает как «универсальный наблюдатель», и само это понятие «замещает нам "картезианского человека"», только лишено статуса «божественного модуля наблюдения в рамках какой-то рефлексивной процедуры»³. Думаю, если принять утверждения обоих мыслителей о том, что «сфера сознания» — понятие *символическое*, а состояния сознания (например, взятые как факты психической жизни индивида) суть «интерпретации» этого символа⁴, то стало бы процесс философствования, связанный с каким-то конкретным человеком (личностью), (по аналогии) является интерпретацией некоей «сферы философии», также обладающей символическим статусом. Если эта аналогия проходит, то не понятно, как можно увязать ее вывод с тем, что было сказано выше, то есть с утверждением

о нежелательности и невозможности какого бы то ни был о «философствования, общего для всех философствующих». Уж коли «сфера философии» — понятие символическое, то философствование есть не что иное, как интерпретация этого символа, то есть того *общего*, что он в себе несет для всех интерпретаторов. Но такое заключение противоречило бы всему дальнейшему ходу рассуждений в рассматриваемой здесь статье Пятигорского. Попробуем это установить.

Вернемся к *страху*. «Мною движет *страх* за мое мышление, за мой личный *импульс* к философствованию. Я жутко боюсь потерять этот импульс навсегда и превратиться в Сартра, Маркузе или Деррида. Это действительно очень страшно, ибо... все они — *играют с общим*» (с. 148). *Игра с общим* — игра с огнем, которым может быть сожжена сама возможность философствования. Эта игра — не то, на что можно *взирать* (как фанаты наблюдают на то, что происходит на ринге или футбольном поле), она способна захватить, проникнуть в святая святых личности, стать для нее схваткой не на жизнь, а на смерть (когда нельзя избежать «полной гибели всерьез»). Кто с кем или что с чем борется? Пятигорский рассматривает этот вопрос в свойственной ему манере «вечного вопрошания». Что произойдет, если философствующий вяжется в игру (борьбу?) с общим? «Кто же тогда философствует?» (с. 148). Вопрос даже не требует ответа, вернее, ответ очевиден: никто. Еще лучше с заглавной буквы — Никто.

Вот чего боится мыслитель — стать Никем или Любым (Das Man, если вспомнить М. Хайдеггера). Утратить СЕБЯ — настоящего, подлинного, каковым философ может быть только двигаясь «*внутри смыслов* своего мышления» (с. 151). Что же это за движение, у которого нет ни *общего направления*, ни *общей цели*, ни *общих критериев*, позволяющих вообще отличать *движение* от суматохи, от хаотических кривляний и дерганий (если в нем вообще нет *общего*, ведь игра с ним губит философию!)? Пятигорский отвечает художественно: «Он <философ> пробует и ошибается. Он не канатоходец и не воздушный акробат, для которого ошибка равна смерти. Он партерный клоун, плачущий, смеющийся и кривляющийся на ковре. Ему не разбиться на арене: его застрелят зрители, когда поймут, что они ему *безразличны*. Здесь нам и открывается особая черта *типа*: философ *окультурен*. То есть, и это крайне важно, он мыслит о вещах как о самих по себе, даже если эти вещи *формально* принадлежат культуре» (с. 151).

Что все это означает? Попробуем без скидок на иносказание отнести к этим заявлениям.

Акультурность — не то, что *антикультурность*. Тот, кто *анти*, все же относится к культуре как к

³ Пятигорский А.М. Три беседы о метатеории сознания (Краткое введение в учение виджнянавады) // Пятигорский А.М. Избранные труды. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 86.

⁴ Там же. С. 89. См. также: Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

источнику смыслов. Из источника можно пить, а можно кричать, что это отравка. Отрицание культуры, каким бы яростным оно ни было, оставляет отрицателя в нерасторжимой связи с ней. Одни отрицают *эту* — посылую — культуру во имя *иной*, пусть еще не существующей, но желанной. «Долой ВАШУ культуру, даешь НАШУ!». Наша лучше. Например, в ней нет пошлости, насилия над личностью, в ней можно «без мук целовать, целовать, целовать» и при этом «каплей литься с массами», свободное развитие каждого — условие свободного развития всех, и так далее в том же духе. Иные скажут, что культура — это насилие над моей, только моей и ничьей иной, свободой, с нею можно мириться только какое-то время (чтобы не спуститься до скотов), но в ней надо видеть лишь переходный этап на пути к свободе (прошу извинить, я привожу без кавычек легко узнаваемые цитаты, ей-ей, это не постмодернизм, а так, легкости ради). Поэтому суверенная личность и культура для всех — две вещи лишь насильно совместные, да и то до поры. Но и те, и другие не мыслят себя и вообще *не мыслят* вне культуры. Они — обитатели (потребители) культуры или борцы с культурой, но не свободны от культуры.

А как это вообще возможно — быть акультурным или свободным от культуры? Разумеется, это не киническая демонстрация. Жить в бочке или совершать половой акт на форуме, фи, эти игры банальны, да и климат у нас не тот, не пошалишь. Свободу от культуры надо понимать в *философском* (а не в хулиганском) смысле. Вот главный пункт, на котором пытается удержаться А.М. Пятигорский. Послушаем:

«Нам следует полностью отказаться от понятия культуры как чего-то противопоставленного сознанию. Понятие культуры как культуры вообще, как термина и как элемента восприятия обыкновенного человека в нашем рассмотрении не имеет никакого отношения к сознанию... "Само сознание" и наша работа с сознанием, которые представлены в предлагаемой нами метатеории, не имеют никакого отношения ни к культуре, ни к культурам»⁵.

«Вообще, думать, мыслить *против* чего бы то ни было — бессмысленно. Философ не может бороться против *общего*, но он может жить и мыслить *вне* общего, *забыть* об общем, отвергнуть тоталитарный принцип всеобщности в *своем* сознании. Иначе это будет очередной «бунт на коленях» против очередной всеохватывающей, универсальной методологической системы» (с. 152).

Забывать об общем. Не знаю, как вам, а мне это напоминает совет Ходжи Насреддина не думать о белой обезьяне, если хочешь внезапно разбогатеть. Не разбогател? Значит, все-таки думал о белой обезьяне. И ты еще называешь себя философом? Подобный вопрос — к Сартру, да не все ли равно к кому, ко всем тем, кто не смог (несмотря на разные свои декларации и позы) освободиться от «одержимости общим», например, от «неискоренимой принудительности этики» (с. 155) — Вопрос риторический, ибо что же и спрашивать у философа со столь «феноменально низким уровнем философствования», у главы «школы философской пошлости», мысль которого «движется только в категориях общего» (с. 154"155) а значит просто вовлечена в игру, которая потому и игра, что это имитация движения! Не скажешь ведь, что марионетки движутся сами, если они привязаны к веревочкам, за которые дергает кукловод! Так и мысль философа, если она «привязана» к принципам или догмам, может только изображать движение, но не двигаться «на самом деле».

Хочется спросить, хотя я не знаю точно, кому адресовать вопросы. Разрази меня гром, я не понимаю, что значит «философствовать на самом деле», *отбрасывая общее в философствовании* (с. 152). Кто-то скажет, что это *моя проблема*, ну, не хватает ума понять и все тут. Да пусть и так, но снизойдите до моего неразумия, прошу вас, объясните на доступных даже глупцу примерах, авось это и не мне одному пригодится. Ну покажите нам, всем, кто еще не избавился от дурной привычки философствовать, *не забывая об общем*, какой-нибудь результат *настоящего* философского мышления, да пусть и не результат, а хотя бы — *как это делается?*

Ответа не слышно. Зато — острые фразы. «Философ никого не представляет и ничего не выражает. Он просто ... думает "всю ночь напролет"» (с. 151). Прекрасная аллюзия, захватывающая картина. Но ведь *ему* надобно удостовериться в том, что он философ, а не имитатор философствования, а для этого приходится определить свои отношения с культурой, то есть осознать, где он САМ, а где культура. Вам понятно, как это можно сделать? Мне нет. Я еще как-то могу представить, как *претендент на философствование* разбирается с культурой, в конце концов, ведь она ему *дана* так или иначе, она представлена в своих *формах* (мыслительных или вещественных, здесь это различие не важно), просто говоря, она — среда, в которой происходит его человеческое бытие. Культуру-среду можно любить или ненавидеть, бояться или ею наслаждаться, можно ощутить ее воздействия. Но как можно ее понимать, не принадлежа

⁵ Там же. С. 87.

Философия культуры

к культуре (к этой или другой, но все-таки культуре!), не применяя к ее оценкам культурные же критерии и нормы, ее язык, принципы?

Ах, да, я и забыл, что речь в данном случае идет о философии в ее *символическом смысле*, а не о философе во плоти. Но если так, то кто же испытывает *страх*? Символы ни стыда, ни страха не знают. Это все о человеке, рискнувшем философствовать. Вот его-то, рискованного и бедового, я и не могу представить таким забывчивым, что ему как-то (непостижимым для меня) образом удается забыть не только об «общем», но и об источнике всего «общего» для нормального (обыкновенного) человека — о культуре. Ибо иначе мне пришлось бы представить философствующего Маугли. Да, не совсем точное сравнение. Маугли и забывать-то нечего, а вот философ, играющий в Маугли, чтобы не играть с общим и культурой, это был бы действительно чемпион амнезии.

Как вообще можно «реагировать на факты своего сознания» иначе, нежели это позволяет нам *культурность* наших реакций, в том числе и в первую очередь, мыслительных? Напомню, что эта проблема — труднейшая для феноменологии Э. Гуссерля и его последователей. Но не буду уходить от темы.

Что такое акультурность философа, о которой говорит А.М. Пятигорский? Как она может быть удостоверена?

Что-то издали похожее на ответ можно найти у экзистенциальных философов, например, у Л. Шестова. Да и М. Хайдеггер подсказал бы кое-что касательно отношения к культуре со стороны Dasein. Суть в том, что культурные смыслы, которыми пропитано бытие индивида, не выдерживают испытания, когда речь идет о *временности* этого бытия. Культура способна предложить нам *бытие в истории*, но не способна оправдать наше *одиночество перед лицом небытия, смерти*. Например, я *живу* в истории, хотя история к моему проживанию в ней абсолютно равнодушна. С этим еще можно кое-как, с оговорками и скрепя сердце, согласиться (К. Ясперс сказал бы, что я «заброшен» в историю), если напрячь *волю* и призвать на помощь *культурные* (например, этические) *принципы*. Но какое участие в истории принимает моя *смерть*? С *экзистенциальной точки зрения* о своей смерти можно размышлять искренне, без позы, без притворства, без честолюбивой выпренности, только в том случае, если отстраниться от причастности к внешне (для меня) существующей истории, от истины, от морали, то есть от культуры. Как сказал поэт:

*Миллионы убитых задешево
Протоптали тропу в пустоте...*

По этой тропе прошли и будут идти миллионы и миллиарды, но она — в пустоте и ведет в пустоту. Так ли? Христианин, например, скажет, что смерть тела не означает уничтожения Я и потому христианская культура не оставляет человека одиноким перед лицом смерти. Наверное, не менее важные вещи сообщит и буддистская религия (философия?). Я в этом разбираюсь плохо, потому верю знатокам на слово. Но чтобы так сказать, как того требует А.М. Пятигорский, нужно *философствовать религиозно*. Дело, конечно, не в принадлежности философа к какой бы то ни было конфессии и даже не в том, что, как считал С.Н. Булгаков, всякая подлинная философия в конце концов приходит к религии, преодолевая тем свою трагедию, вызванную разъединением мысли и веры. Религиозность, о которой рассуждает Пятигорский, особого свойства.

«Проблема соотношения религии и философии как таковая просто не существует. Это псевдопроблема... Ее нет *внутри философствования*. Только став на позицию "наблюдателя философии" (такую позицию я условно называю *метафилософской*) и одновременно "наблюдателя религии", можно было бы увидеть, что и в философии, и в религии — происходит *что-то одно и то же*. И тогда, мне думается, речь будет идти как раз о *религиозной философии*. То есть — как уже пытался объяснить это здесь — о философии, в которой религия присутствует как *интенция в тексте*, а не как *содержание*, заданное для *научения*. Впрочем, даже дураку ясно, что религии как и философии — научить невозможно» (с. 156).

Простите за дурацкий вопрос: и в религии, и в философии можно жить, не учась ни тому, ни другому? Да, отвечает мыслитель, ибо мое участие в вере и в мысли не может быть таким как у всех или у некоторых других, оно только *мое* — и потому свободное. Я интериоризирую культуру, но не подчиняюсь ей, тогда все у меня получится, в том числе и философствовать смогу и вера станет опорой моего бытия.

В этом ли состоит акультурность философа? Ее, видимо, надо понимать не как *отрешенность от культуры* (это была бы всего только обратная сторона несвободного, принудительного *подчинения* культуре), а как *перемещение* культуры вовнутрь моей индивидуальной духовной жизни. И там, внутри своего духа, я и культура соединены в одно неразъемное целое, ибо я свободен!

«И я рискну назвать религиозным только того, кто *сам факт* своего мышления мыслит *в смысле* свободы, даже если мысль о Боге не присутствует в *содержании* его мышления. Но — и это неременное условие "религиозности" — этот *факт* должен быть фиксирован как *абсолютно индивидуальный*. Объективного содержательного критерия религиозности просто не существует. Факт свободы фиксируется (и рефлексивируется) философом только *через себя* — не через человечество, мир, космос, народ, партию, культуру, что угодно!» (с. 157)-

Думаю, что такая «религиозность» — в противоречии со всеми смыслами, которые вкладываются в это понятие всеми известными мне религиями. Для такой религиозности, кажется, не нужен и Бог, вполне достаточно только собственной свободы, абсолютной суверенности и атомистической субъективности. Собственно, и термин «религиозность» не нужен, он может быть редуцирован к указанным. Это и есть «философский анархизм» как единственно приемлемая альтернатива «философскому тоталитаризму» или «игре с общим», уничтожающей философию.

«И здесь-то и начинается (только еще начинается!) становится ясным, что тоталитаризм *как идея* не связан не только с государством, политическим режимом, политической идеологией или даже с характером спонтанно существующего общества. Сама проблема тоталитаризма, это не то, "как ты живешь", а то, "как я мыслю".

Тоталитаризм — при самом элементарном философском осознании — есть *принудительность моего мышления*. Это означает не только, что *я мыслю как другой*, но и что *другой мыслит как я*. И это называется «единодушием», или «единомыслием» или "общим языком", или "основанием для взаимопонимания"» (с. 157)- Отсюда — «принудительность методологии».

«Дело в том, что методология не только обязывает человека (а не только философа!) мыслить определенным образом и в определенных предметных содержаниях. Она обязывает человека *мыслить философски вообще*... Смысл этой методологической принудительности очень прост: человек должен думать определенным образом об определенных вещах, чтобы... *не думать*. Не думать о своем *мышлении*, не думать о *своей судьбе*» (с. 157-158).

Итак, «мыслить философски вообще» — все равно, что «вообще не думать» или, по крайней мере, не думать о своем мышлении, о судьбе. Философ, «играющий общим», не мыслит, а имитирует мышление, ибо оно не может быть сразу философским и методологическим. Вот этой-то имитации, подмены

философа культурой, и боится А.М. Пятигорский. Он хочет непременно мыслить САМ, не передоверяя это кому или чему бы то ни было.

Улавливаю, что страх перед тоталитаризмом в мысли—это проекция другого страха, сильнее—ужаса, перед тоталитарным государством, режимом, политической идеологией... А.М. Пятигорский ищет проросшие на последнюю глубину корни тоталитаризма и находит их в структурах мышления, не просто подчиненного неким ОБЩИМ закономерностям или правилам (например, логическим), но безропотно идущего по тропам культуры, следуя ее горизонтным ориентирам — тому, что называют «универсалиями культуры». Это можно было бы пересказать просто: тоталитаризм—не черная напасть, взявшаяся из неких исторических условий и обстоятельств, он гнездится в сознании людей, выступает наружу как склонность «стать в общий ряд», подчиниться порядку, избавиться от груза свободы ради душевного комфорта, а уж коли зажмут и придают, то слегка поплакать, но утешиться мыслью, что это плата за обретенные блага. Тоталитаризм поэтому не «отменен», если речь идет всего лишь о каких-то «социальных преобразованиях», «демократизации общественной жизни», «институтах гражданского общества». Все это — перемены декораций. Об этом — «Дракон» Е. Шварца. Как говорила Эльза: «Неужели дракон не умер, а, как это бывало с ним часто, обратился в человека? Тогда превратился он на этот раз во множество людей...». Дракон тоталитаризма имеет не одну, и не три головы, у него столько голов, сколько их у всего мыслящего по-драконьи человечества. Философ же, преодолевший страх перед тоталитаризмом мысли, это Ланцелот, приготовившийся к работе, несравненно более трудной, чем одолеть дракона в бою, — к тому, чтобы убить дракона в каждом человеке, то бишь в каждой мыслящей голове.

Можно ли считать, что корни тоталитаризма обнаружены, чтобы их можно было, наконец, вырвать? Я бы не спешил с подобными заключениями. Думаю, что Ланцелоту, вознамерившемуся выполнить эту задачу, пришлось бы, и это вероятнее всего, убивать людей, передраконивая самого Дракона. Или... удалиться в ланцелото-философскую пещеру, найдя там желанную свободу мышления, уже не обремененную жадной свободой действий. О чем он будет там, в этой пещере, думать — этого уже никому не узнать, ибо нельзя же представить это думание «всю жизнь (или ночь?) напролет» как производство дублей, копий «общего», доступных пониманию *других*]

А теперь—об отзвуке, упомянутом в самом начале. «Война с общим», что велась Пятигорским, уже давно вышла из рамок индивидуального философствования

и стала *тотальной*. Если приглядеться, чуть ли не вся современная философия охвачена этой войной, в которой сторонники архаической позиции, идущей от Аристотеля и Декарта (как бы они себя ни именовали и как бы ни камуфлировали свою принадлежность к этой позиции), находятся в меньшинстве (если считать по головам только профессионалов, а не философствующих дилетантов). Все больший перевес на стороне тех, кто так или иначе придерживается принципа Протагора «Человек есть мера всех вещей», а чтобы примирить этот принцип, например, с бесспорным существованием науки и ее знания об «общем», ищут способы, какими можно договариваться, достигать консенсуса в рассуждениях о несовпадающих «мерах» так, чтобы избежать пошлого релятивизма и объяснить факты успешной «рациональной коммуникации».

Здесь, конечно, стоит вспомнить, что Пятигорский и Мамардашвили критиковали некоторых своих современников именно за попытки связать сознание с «объективной коммуникацией». По афоризму М.К. Мамардашвили, «если нечто коммуницируется, то оно не сознание». Но сознание есть по преимуществу «аутокоммуникация»⁶. Итак, с позиции философа, сознательно «коммуницировать» (если это не метафора) можно с самим собой, но не с другими. Ну да, конечно, ведь иначе эта коммуникация была бы культурой, расположенной *вне меня*, она бы *растворила* меня в себе, а значит, меня бы — на самом деле — не было. Такие «объективные коммуникации» — предмет интереса социологов («социологов сознания»), но не философов. С этим я не спорю, хотя замечу, что разделение труда между социологами и философами не слишком жестко. Но вот — опять же, наверное, дурацкий — вопрос: в коммуникации с самим собой какой результат мог бы стать совершенно неприемлемым *для нас обоих* (допустим, что на эту прекрасную беседу меня со мною ничто и никто

не в силах как-то повлиять ни своими оценками, ни подсказками, ни «парадигмами», ни авторитетом, ни силой, ни увещеваниями — иначе я не был бы свободен!), что могло бы в этой коммуникации «изнутри» остановить меня перед какой-то собственной мерзостью, глупостью, ошибкой или преступлением (духовным или мысленным, конечно!)? Ведь сами эти слова обозначают кое-что понятное только тому, кто знает их культурный смысл! А его-то и надобно исключить, чтобы аутокоммуникация не выродилась в «игру с общим». Так что же это, как не конкретизация протагоровского тезиса?

Еще раз о страхе. Признаюсь, я даже слишком знаю это чувство. Не меньше Александра Моисеевича я боюсь тоталитаризма, когда он заполняет мое жизненное пространство и вытесняет меня из меня же самого. Но едва ли не еще сильнее я боюсь чудовищ, порождаемых сном разума, утомленного борьбой с «культурными универсалиями». Мне почему-то не избавиться от ощущения, что «акультурная» позиция философа не так уж далека от «антикультурного бунта», что в чем-то существенном эти позиции сходятся, только первая застенчива и менее словоохотлива, чем вторая, легко переходящая в позу и сопровождаемая истерически-выспренними инвективами.

Другое время, другой опыт, другие страхи. Может быть, уже пора заново углубиться в недра сознания, чтобы отыскать в них не только корни тоталитаризма, но и корни бессмысленного и беспощадного антикультурного бунта, против которого, по крайней мере, бессильны внешние наблюдатели — «метафилософы». Перед этой задачей, думаю, сейчас время ставит философию, настоятельно требуя от нее перестать любоваться своей пленительной наготой и облачиться в одежды, пригодные для работы, а возможно, и драки. У Ланцелота нет другого выбора, не то его следовало бы назвать как-то иначе.

Список литературы:

1. Пятигорский А.М. Реакция философии на тоталитаризм (Не-методологические заметки о возможности анархической философии) / Пятигорский А.М. Избранные труды. Школа «Языки русской культуры». М., 1996. С. 147-160.
2. Пятигорский А.М., Мамардашвили М.К. Три беседы о метатеории сознания (Краткое введение в учение виджнянавады) // Пятигорский А.М. Избранные труды. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996- С. 61-107-
- 3- Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М., Школа «Языки русской культуры», 1997-
- 4- Кобрин К. Почти все боятся вольных каменщиков (рецензия на книгу: Piatigorsky A. Who's afraid of freemasons? The Phenomenon of Freemasonry. L., Harvill Press, 1997) // Новое литературное обозрение. № 35 (1/1999)- С. 381-386.

Там же. С. 97.

Сведения об авторах

БЕЗНОЩЕНКО Елена Алексеевна — зав. учебной лабораторией, аспирант кафедры «Философия» Финансового университета при Правительстве РФ.

Тел.: (495) 641-31-78. E-mail: elenalex.fa@mail.ru.

ВЕСЕЛОВ Александр Васильевич — аспирант Московского государственного индустриального университета.

Тел.: (903) 131-00-22.

ГУРЕВИЧ Павел Семенович — доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором «История антропологических учений» Института философии Российской академии наук, заведующий кафедрой психологии Российского государственного торгово-экономического университета, заведующий Лабораторией личностного роста Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, главный редактор журналов «Философия и культура», «Эдип», «Психология и психотехника».

Тел.: (495) 697-89-96. E-mail: gurevich@rambler.ru.

ГОГОТИШВИЛИ Людмила Арчиловна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института философии Российской академии наук.

Тел.: (495) 697-89-96. E-mail: iosiffidman@vandex.ru.

ДОНЦЕВ Сергей Павлович — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Российского государственного гуманитарного университета.

Тел.: (916) 623-04-65.

КЛЯГИН Николай Васильевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора «История антропологических учений» Института философии Российской академии наук.

Тел.: (495) 697-89-96. E-mail: klyagin09@rambley.m.

ЛИПОВ Анатолий Николаевич — кандидат философских наук, научный сотрудник сектора эстетики Института философии Российской академии наук.

Тел.: (499) 143-73-70. E-mail: AlliPOW@YANDEX.RU.

ПОПОВ Евгений Александрович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Алтайского государственного университета.

Тел.: (3852) 366-378. E-mail: popov.eug@vandex.ru.

ПОРУС Владимир Натанович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии, логики и теории познания факультета философии Государственного университета — Высшая школа экономики.

Тел.: (495) 772-95-90 (доб. 2704). E-mail: vporus@ramblerru.

РЯБУШКИНА Ирина Борисовна — младший научный сотрудник сектора социальной философии Института философии Российской академии наук.

Тел.: (495) 697-98-93.

ФОКИН Алексей Русланович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора философии религии Института философии Российской академии наук.

Тел.: (495) 697-62-90. E-mail: al-fokin@vandex.ru.

ЮХВИД Алексей Владимирович — кандидат философских наук, докторант кафедры социальной философии Российского университета дружбы народов.

Тел.: (903) 738-10-84. E-mail: ayukhvid@inail.ru.

ЯТВЕЦКИ Болеслав Валентинович — первый секретарь посольства Государства Израиль в РФ.

Тел.: (495) 380-73-00. E-mail: bhpublish@gmail.com.

About the authors

BEZNOSCHENKO Elena Alekseevna — head of the university laboratory, post-graduate student of the Department of Philosophy at Financial University under the Government of the Russian Federation.

Phone: (495) 641-31-78. E-mail: elenalex.fa@mail.ru.

VESELOV Alexander Vasilievich — post-graduate student at Moscow State Industrial University.

Phone: (903) 131-00-22.

GUREVICH Pavel Semenovich — PhD in philosophy, PhD in language and literature, professor, head of the division "History of Anthropological Teachings" at Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the magazines "Philosophy and Culture", "Oedipus", and "Psychology and Psychotechnics".

Phone: (495) 697-89-96. E-mail: gurevich@irambler.ru.

GOGOTISHVILI Lyudmila Archilova — Candidate of Language Sciences, senior researcher at Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Phone: (495) 697-89-96. E-mail: io.siffidman@vandex.ru.

DONTSOV Sergey Pavlovich — Candidate of Political Sciences, senior lecturer of the Department of Theoretical and Applied Political Sciences, faculty of history, political sciences and law at Russian State University of Humanities.

Phone: (916) 623-04-65.

KLYAGIN Nikolay Vasilyevich — doctor in philosophy, leading researcher of the division of History of Anthropological Teachings at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Phone: (495) 697-89-96. E-mail: klyagin09@rainblerru.

LIPOV Anatoly Nikolaevich — Candidate of Philosophy, researcher of the Division of Esthetics at Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Phone: (499) 143-73-70. E-mail: AlliPOW@YANDEX.RU.

POPOV Evgeniy Alexandrovich — Doctor of Philosophy, professor, head of the Department of General Sociology at Altai State University.

Phone: (3852) 366-378. E-mail: popov.eug@vandex.ru.

PORUS Vladimir Natanovich — Doctor of Philosophy, professor, head of the Department of Ontology, Logics and Theory of Knowledge, philosophical faculty at State University — Higher School of Economics.

Phone: (495) 772-95-90. E-mail: vporus@rambler.ru.

RYABUSHKINA Irina Borisovna — junior researcher of the Division of Social Philosophy at Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Phone: (495) 697-98-93.

FOKIN Aleksey Ruslanovich — Candidate of Philosophy, senior researcher of the Division of Philosophy of Religion at Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Phone: (495) 697-62-90. E-mail: al-fokin@vandex.ru.

YUKHVID Aleksey Vladimirovich — Candidate of Philosophy, student for a Doctor's Degree of the Department of Social Philosophy at Russian University of Peoples' Friendship.

Phone: (903) 738-10-84. E-mail: ayukhvid@mail.ru.

YATVETSKY Boleslaw Valentinovich — first secretary of the Embassy of the State of Israel in the Russian Federation.

Phone: (495) 380-73-00. E-mail: bhpublish@gmail.com.